

Анархизм в Италии

Глава из книги "Анархизм. История либертарных идей и движений"

Джордж Вудкок

1962

Тенденция анархистских движений принимать местные особенности чрезвычайно ярко проявилась в Италии, где революционное движение, развивающееся в эпоху Рисорджименто, было одним из определяющих факторов освободительного движения.

Первые анархистские группы в стране были образованы мадзинистами и гарибальдийцами; под властью Савойской монархии анархизм длительное время продолжал существовать в виде тайных обществ, подобно республиканским движениям начала XIX-го столетия, и продолжал также традиции конспирации, заговоров с целью восстания и традиции героических подвигов. Эти традиции, развивавшиеся карбонариями, помогли анархистам определить путь действия. Даже свободная организация их движения походила на ту, которую приняли карбонарии, подвергаясь преследованиям, и типичные герои анархического движения, такие как Эррико Малатеста и Карло Кафиеро, жили в яркой, возвышенной манере Гарибальди и Писакане.

Но, если движение за национальное освобождение повлияло на итальянский анархизм - и через него на методы анархистов в других странах, - идеи зарубежных анархистов, в свою очередь, оказали решающее влияние на развитие революционного движения в Италии. Уже до приезда Бакунина в 1864 году, идеи Прудона оказали воздействие на итальянскую республиканскую мысль, в особенности на произведения и устные проповеди такого Дон Кихота Рисорджименто, как Карло Писакане, герцога Сан-Джованни.

Будучи еще юношей, Писакане играл видную роль в революции 1848 года, когда он был начальником штаба в армии Мадзини в Римской Республике. В 1857 году он выступил предшественником сицилийской экспедиции Гарибальди, но с более трагическим исходом, отплыв из Генуи с маленьким отрядом республиканцев на пароходе "Кальяри" и высадившись на побережье Калабрии. Местные повстанцы, на которых он надеялся, не соединились с ним, и он, будучи разбит войсками Бурбонов, убил себя на поле боя.

Писакане стал одним из героев-мучеников Рисорджименто, но только после его смерти, после публикации в Париже собрания его сочинений /под названием "Очерки"/ его либертарные идеи стали широко известны. В годы изгнания между 1848

годом и роковой экспедицией в Калабрию, он был поглощен чтением Прудона и Фурье, и вступил в полемические дискуссии с Мадзини о сущности предстоящей итальянской революции. Позиция Писакане была недалеко от позиции Бакунина во время панславистского этапа его эволюции: он смотрел на социальную революцию как на средство для революции национальной. Не обходимо поднять крестьян, чтобы нация могла стать свободной, а это можно сделать, только предоставив им экономическую свободу, свободу от ига их непосредственных тиранов помещиков. Поэтому Писакане стал социалистом-прудонистом. Он требовал, подобно Прудону, чтобы каждый человек имел "гарантированными плоды своего труда" и чтобы "всякая другая собственность была не только отменена, но и осуждена, как кража". Писакане фактически шел вслед за Прудонем в направлении коллективизма, поскольку он также хотел сделать промышленные предприятия коллективной собственностью, и обрабатывать землю коммунами таким образом, чтобы люди поровну делили сельскохозяйственные продукты.

Писакане не только принимал основную экономическую теорию Прудона. Он также позаимствовал его идеи о правительстве, и необходимую цель революции видел не в централизованном государстве якобинцев и бланкистов, но в "единственно справедливой и безопасной форме правительства, - анархии Прудона". Он требовал упрощения общественных учреждений, и кроме того заявил, что "общество, основанное на своих реальных и необходимых отношениях, исключает даже самую идею правительства". Но, возможно, наиболее поразительным звеном, соединяющим итальянский анархизм и ранние традиции Рисорджименто, является изложенное Писакане обоснование того, что позднее стало называться "пропагандой действием".

"Пропаганда - это химерическая идея, - писал он. - Идеи воздействуют через действия, а не действия через идеи, и люди не смогут стать свободными, если их только просвещать, но они смогут "просветиться", когда станут свободными. Только гражданское действие способно принести добро стране и оно должно сочетаться с осязаемой, реальной революцией: следовательно, конспирации, заговоры, покушения и так далее являются таким рядом действий, при помощи которых Италия сумеет достичь своей цели".

И вся история анархизма в Италии может быть легко описана как перечень ряда попыток выполнить это предписание. Писакане не оставил после себя движения. Однако, он оказал огромное влияние на молодых республиканцев, как через своих ближайших соратников и друзей, так и посмертно - через свои сочинения, и это влияние способствовало дружескому приему Бакунина, когда он приехал во Флоренцию в 1864 году. Это объясняет, почему среди членов Флорентийского Братства и Интернационального братства, позднее организованного в Неаполе, было несколько старых товарищей Писакане.

Влияние идей Прудона также распространилось в Италии в форме непосредственно мютюэлизма; первый социалистический журнал, основанный в Италии, "Иль пролетарио", издаваемый флорентийцем Николо Савио, был вдохновлен прудонизмом. Однако, как и во Франции, мютюэлисты в Италии эволюционировали в сторону умеренности и консерватизма, и их роль в развитии анархизма была незначительной. Итальянское анархическое движение фактически началось с приезда Бакунина.

Во Флоренции Бакунин окончательно оставил свой первоначальный панславизм и воспринял анархизм как свою революционную доктрину: как следствие этого, рождение анархизма в Италии совпало с рождением анархического движения в виде его первоначального прототипа, Флорентийского Братства. Эта недолго просуществовавшая организация была мало известна, ее преемник Интернациональное Братство. Здесь я рассмотрю вопрос - как повлияло Интернациональное Братство на итальянское движение и может ли оно считаться его частью.

В программных документах Интернационального Братства, написанных Бакуниным и его ближайшими товарищами, итальянская секция Братства называлась по-разному: "Общество Социальных Революционных Демократов" и "Итальянское Общество Легионеров Социальной Революции". Это не является основанием для того, чтобы считать, что это были две различные организации; страсть Бакунина к громким названиям вполне объясняет это удвоение. Руководство общества, по видимому, приблизительно совпадало с бакунинским Центральным Комитетом Интернационального Братства в Неаполе. Некоторым членам этой руководящей группы, создавшим местные организации, суждено было и впоследствии играть значительные роли в истории анархизма. Джузеппе Фанелли, ветеран 1848 года, был даже депутатом Итальянского парламента, но он был столь увлечен проповедью Бакунина, что позднее он выполнил нелегкую, но плодотворную миссию :- обращение испанских масс, в анархизм. Саверио Фрискиа, сицилийский врач-гомеопат, был также членом Палаты депутатов, но играл важнейшее значение в Интернациональном Братстве, как франкмасон тридцать третьего градуса посвящения с колоссальным влиянием в ложах Южной Италии. (Сам Бакунин, подобно Прудону, был франкмасоном; еще следует провести исследование связующих звеньев между европейским франкмасонством и ранним анархическим движением прим.перев.) Карло Гамбуцци, неаполитанский юрист, стал близким другом Бакунина и любовником его жены Антонины, оставаясь также на протяжении многих лет активным вождем итальянского анархистского движения. Еще одним выдающимся членом этой ранней "элиты" итальянского анархизма был Альберто Туччи, другой молодой неаполитанский юрист.

Размеры движения, которое возглавляли эти люди, трудно оценить, главным образом из-за претенциозности этой бумажной организации. Был создан Итальянский Центральный Комитет, и вся страна была оптимистически разделена на области, в каждой из которых участники движения должны были находиться под контролем генерального штаба, назначенного Центральным Комитетом; на этом этапе бакунисты, принимая в целом анархические идеи для организации общества' после революции, в то же время еще не стряхнули с себя авторитарные формы конспираторской традиции внутри своей собственной организации. Однако, очевидным является тот факт, что единственными регионами Италии, где группы Братства развили активность, были город Неаполь и города Палермо и Скиачча на Сицилии; не было подходящих надежных фигур для руководства даже несколькими из этих существующих групп, но, впрочем, они были, вероятно, очень небольшими. Кроме того, несколько старых товарищей Бакунина во Флоренции примкнули к Братству в качестве индивидуальных членов, но нет и следа флорентийской группы как чего-то целого. Даже те секции, которые реально существовали, сразу же зачахли, едва Бакунин покинул

Неаполь и уехал в Женеву в августе 1867 года, и можно с уверенностью предположить, что Интернациональное Братство, которое формально не было распущено до 1869 года, оставалось в Италии, как и в других местах, костяком организации, состоящим из ближайших друзей Бакунина.

На протяжении этих первых лет итальянского анархизма между Бакуниным и его итальянскими последователями поддерживалась тесная связь. Фанелли, Фрискиа и Туччи вступили вслед за ним в Лигу Мира и Свободы и затем покинули ее, чтобы стать учредителями Интернационального Альянса Социальной Демократии. Фанелли, Гамбуцци, Туччи и Фрискиа, вместе с Рафаэле Милети из Калабрии и Джузеппе Манцони из Флоренции, создали ядро Национального комитета этого Альянса. С другой стороны, трудно сказать, что Альянс набрал большую силу в Италии, так как вскоре, в самом начале 1869 года и эта организация была распущена, и ее группы автоматически стали секциями Международного Товарищества Рабочих. (Первого Интернационала прим. перев.) Итальянские организации выступали против этого шага, но тут наступило время первые месяцы 1869 года когда влиятельное и мощное анархистское движение начало возникать в Италии.

Сначала оно было ограничено пределами Меццоджиорно (юг Италии прим. перев.), и наиболее активная организация существовала в Неаполе, под руководством Гамбуцци и портного Стефано Капороссо. Многие местные ремесленники примкнули к этому движению, и на Базельском конгрессе Интернационала, в сентябре 1869 года, Капороссо сообщил о шестистах членах организации. Двамя месяцами позже Неаполитанская секция организовала первое итальянское анархистское издание "Л'Эгюаглианца", редактируемую бывшим священником Микельанджело Статути, чьи идеи, кажется, предшествовали мыслям, развитым впоследствии Жоржем Сорелем, поскольку он утверждал, что забастовки являются единственным полезным оружием, ибо они развивают среди трудящихся дух солидарности.

Спустя три месяца "Л'Эгюаглианца" была запрещена полицией, но неаполитанская секция продолжала разрастаться. В самом деле, после ее участия в забастовке рабочих-кожевников, она так быстро выросла, что в начале 1870 года местная полиция сообщала о четырех тысячах членов этой секции. Другие секции появились в Кампании и на Сицилии, но прошло еще некоторое время, прежде чем движение распространилось по всей остальной Италии. Фактически, полицейские преследования, заключение в тюрьму Гамбуцци и Капороссо и обнаружение агентов провокаторов среди членов неаполитанской секции привели к спаду движения даже на юге.

В середине 1871 года, однако, возникли новые группы революционеров, которые отличались по своему характеру от тех ветеранов раннего этапа борьбы, которые впервые сплотились вокруг Бакунина. Все их вожди: Карло Кафиеро, Эррико Малатеста и Кармело Палладино, были молодыми людьми не полных двадцати лет, образованные сыновья помещиков Южной Италии; все они были выходцами из тех областей; где была чрезвычайно распространена нищета среди крестьян (Кафиеро и Палладино из Апулии, а Малатеста из Капуи); они, фактически, были итальянским аналогом русских "кающихся дворян" с большой совестью, которые в то же десятилетие ощутили жгучую необходимость "идти в народ". Их чувство несправедливости, совершаемой над бедными и беззащитными, заставляло их нетерпимо относиться к фарисейскому либерализму Мадзини, и к стареющему Гарибальди, уже

неохотно дающему вовлекать себя в борьбу. Бакунин был тем вождем, на которого они ориентировались, хотя Кафиеро и заигрывал некоторое время с Энгельсом и с Марксом. Этот триумвират: Кафиеро, Малатеста и Палладино, восстановил секцию Интернационала в Меццоджиорно, но их работа продолжалась медленно, поскольку ей вскоре начали мешать полицейские преследования, и она так и должна была бы оставаться незначительной, если бы Мадзини не решил по ходу дела, что все это играет на руку Бакунину, и не дал ему возможность приобрести огромное влияние среди итальянских политиков левого направления.

К старости Мадзини постепенно становился все более консервативным и все более недоверчивым по отношению к активным участникам итальянского республиканского движения. Он был обеспокоен растущим влиянием социализма в Европе, и он даже разоблачал Парижскую Коммуну за ее безбожие и ее отказ от истинного национализма. Теперь он выступил против Интернационала и атаковал его таким же образом в "Ля Ромо дель Пополо". Многих из его собственных последователей, - которые восхищались героизмом коммунаров и знали, что некоторые и наиболее замечательные деятели среди них принадлежали к Интернационалу, - оттолкнула от Мадзини эта его позиция, и одна из лево-ориентированных республиканских газет "Иль газзеттино Россо" в Милане, опубликовала 24 июля 1871 года острый ответ Бакунина, озаглавленный: "Ответ Интернационалиста Джузеппе Мадзини"; Бакунин обвинял вождя-ветерана "повернувшего вспять от пролетарской стороны" в то время, когда эта позиция позволила допустить ужасы последних дней Коммуны. Немедленно вслед за завершением этой статьи, Бакунин, который осознавал, что в этот момент судьба анархизма в Италии висит на волоске, сел писать работу, намного большую по объему, - сочинение озаглавленное "Политическая теология и Интернационал", которое закончил к осени 1871 года. Непосредственным результатом этой полемики было распространение организации Интернационала, которая теперь начала лавинообразно расти и в Меццоджиорно, и в своих будущих цитаделях: в Тоскане, Романье и в других местах. 18 октября Кафиеро прислал Энгельсу список городов, в которых началась деятельность Интернационала; они включали помимо старых южных центров, Флоренцию, Парму, Равенну, Пизу, Турин, Милан, Рим и Болонью. Сколько из этих городов имели в это время активно действующие секции, трудно сказать, но когда Юрская Федерация выпустила Сонвильерский циркуляр против Генерального Совета в ноябре 1871 года, секции в Болонье, Милане и Турине поддержали его вместе с секциями на юге Италии.

К этому времени, однако, произошла быстрая перемена. Бакунин обратился к мадзинистскому конгрессу рабочих в ноябре 1871 года с новым памфлетом, озаглавленным: "Обращение к моим итальянским друзьям", который побудил некоторых делегатов удалиться с заседания конгресса, лишь бы не принимать позицию Мадзини. В еле дующем месяце движение Фашио Операйя (Рабочих Союзов) появилось в центральной Италии; это движение было первоначально социалистически ориентировано, и в феврале 1872 года собрание его представителей из Равенны, Луго и Форли объявило о присоединении его к Интернационалу, поддержав анархистский лозунг автономии общин. В следующем месяце четырнадцать секций из Романьи совместно провели в Болонье первое анархистское собрание, которое реально уже было общенациональным, поскольку на нем также присутствовали делегаты из Неа-

поля, Турина, Генуи, Мантуи и Мирандолы. На этом конгрессе доминировала группа молодых людей из Романьи, возглавляемая Андреа Коста, студентом филологом, которого привели к Интернационалу его энтузиазм по поводу Парижской Коммуны, и который присоединился к Малатеста и Кафиеро, вместе с ними образовав главную воодушевляющую силу итальянского анархизма _на протяжении большей части 70-х годов.

Конгресс в Болонье разрушил надежду марксистов на распространение их влияния, по крайней мере, в настоящем, в зарождающемся итальянском социалистическом движении. По вопросу о политической борьбе, который разделял Маркса и Бакунина, делегаты конгресса проголосовали против участия в выборах и резко заявили, что "любое авторитарное правительство работает на благо привилегированным и в ущерб обездоленным классам". Они также провозгласили, что выступают за всеобщее восстание, которое будет иметь своей целью разрешение социальной проблемы. В организационном плане, итогом конгресса было основание Федерации Болонской Области, которая уклонялась от участия в борьбе Маркса и Бакунина, решив остаться автономной и поддерживать отношения в равной мере как с Генеральным Советом Интернационала, так и с Юрской Федерацией как с корреспондентскими бюро. Маркс и Энгельс, которые полагали, что все, кто был не с ними, был против них, решили, что итальянцы разоблачили себя как явных бакунистов"; как быстро показало время, они не ошиблись.

Теперь Романья стала центром анархистского движения, в основном благодаря энергичной организационной работе Коста. В остальной Италии секции мало координировали свои действия друг с другом, за исключением Умбрии, и стремление к такой координации было исключительно инициативой анархистов из Романьи и Фанелли в Неаполе, которого обеспокоено "дергал" Бакунин - который стремился к консолидации своих сил для борьбы внутри Интернационала, результата том этой инициативы был совместный сбор анархистов всей страны на общенациональный конгресс. Этот съезд, который открылся в Римини 4 го августа 1872 года, имел историческое значение, поскольку он не только заложил основание антиавторитарной тенденции в итальянском социализме, но также непосредственно решил судьбу всего Интернационала в целом.

На конгрессе были представлены двадцать одна секция, и их распространение свидетельствовало о географических изменениях, которые произошли в анархистском движении. Безу словно доминировавшая до этого область Меццоджиорно теперь прислала делегатов только лишь оі двух секций; в этой области, среди пораженных вопиющей нищетой крестьян, анархизм был не способен достичь каких-либо успехов за пределами больших городов. Исключая единственную римскую секцию, все остальные делегаты приехали из северных и центральных провинций: Романьи, Тосканы, Умбрии и Эмилии. Милан, чей делегат, Винченцо Пецца, был болен, вследствие не давнего заключения в тюрьму, отправил на конгресс послание, составленное в резко антимарксистском духе. Оба поколения революционеров были представлены среди делегатов: Фанелли и Фрискиа - от старой республиканской левой, а Коста, Кафиеро и Малатеста от молодого поколения борцов.

Съезд основал Итальянскую Федерацию Интернационала как простую сеть автономных областей, общими организациями которых должны были быть лишь корре-

спондентское и статистическое бюро. Резолюции, написанные в совершенно анархистском духе - против политической борьбы - были приняты единогласно, и затем, на третий день. Конгресс перешел к вопросу о своем отношении к Генеральному Совету и о своей позиции в отношении Гаагского Конгресса. Бакунин и его последователи в Испании и Юрской Федерации убеждали итальянцев отправить как можно больше делегатов в Гаагу (на конгресс Интернационала - прим. перев.), но увлеченные пылким красноречием Кафиеро и Коста, итальянцы приняли решительную, исчерпывающе подробную резолюцию, в которой они объявляли разорванной "любую солидарность с Генеральным Советом в Лондоне", отказывались признать Гаагский конгресс, и призывали членов Интернационала, которые поддерживали их оппозицию к авторитарным методам Генерального Совета, - прислать представителей на отдельный антиавторитарный конгресс в Невшателк Итак, Итальянская Федерация, последняя из числа тех, что были основаны во время существования старого Интернационала, была первой, начавшей раскол, который, как все анархисты знали в глубине сердца, был неизбежным.

Итальянцы придерживались своей резолюции, не признавая щей Гаагский конгресс. Карло Кафиеро присутствовал на нем, но только как наблюдатель; когда он возвращался с него через Швейцарию, он встретил четырех других делегатов из Италии и принял участие в конгрессе в Сант-Имьере, который подтвердил разрыв с марксистскими секциями Интернационала.

Решительность, проявленная итальянскими анархистами в Римини, не уменьшилась в последующие месяцы. Они не только разорвали свои связи с марксистами; они также отказались от каких-либо союзов с левым крылом республиканцев, и непрерывно приближались к последовательно бакунинской позиции. Это предполагало не только последовательность в либертарианских /свободнических/ формах социальной и экономической организации; это означало также такую решимость, как провозглашала одна нелегальная газета, что "сегодня одной пропаганды недостаточно; теперь мы должны организовать для борьбы". Совершенно очевидно, что подразумевалась повстанческая борьба. По мере того, как его позиция становилась все более крайней и радикальной, анархистское движение в Италии также росло все сильнее, и когда состоялся второй национальный конгресс в Болонье в марте 1873 года, его пятьдесят три делегата уже представляли сто пятьдесят секций, - в семь раз больше, чем семь месяцев назад - на первом конгрессе.

За этим стремительным ростом Федерации с тревогой наблюдало итальянское правительство; министр внутренних дел выпустил инструкцию к провинциальным властям с указанием разгромить Интернационал в их провинциях. Полиция совершила налет на конгресс в Болонье и арестовало Кафиеро, Коста и Малатесту, но оставшиеся делегаты просто поменяли место и продолжили свое обсуждение, с принятием открыто вызывающих резолюций, в которых обличались преследования, которым они подвергались. Помимо нового подтверждения основных принципов, провозглашенных ранее, наиболее важная резолюция, принятая конгрессом 1873-го года, призывала к пропагандистской работе среди крестьян, в надежде на поддержку огромной массы "четырёх миллионов крестьян в Ломбардии и южных провинциях, которые пребывают в агонии, поскольку изнурены болезнями и голодом и горячо жаждут часа освобождения". Попытка воплотить в жизнь это ожидание и пробудить

крестьян к действию оказала огромное влияние на последующую анархистскую деятельность.

В Италии девятнадцатого века полицейские преследования не означали чего-то позорного или даже ужасного. Жертвы и страдания героев Рисорджименто даже сделали тех, на кого обрушивались полицейские репрессии, символом благородства, и все попытки правительства ликвидировать Интернационал зачастую вели лишь к тому, что приводили новых бойцов в его секции. Так, уже в первые месяцы 1874 года, который был одним из самых драматических лет в истории итальянского анархизма, полиция и анархисты - по независимым друг от друга оценкам - пришли к приблизительно одинаковому заключению, - о том, что число членов Интернационала в Италии выросло более чем до 30 000 человек. Кроме того, благодаря главным образом, деятельности Коста, который постоянно поддерживал контакт с Бакуниным, эта небольшая армия анархистов была наконец объединена в единую организационную сеть, которая действовала через десять региональных федераций, которые распространились по всем районам Италии и даже на Сардинии.

Это было время, когда итальянские анархисты решили перенести центр своей деятельности из залов съездов в открытое поле революционной борьбы. Уже до 1876 года Кафиеро и Малатеста выступали в качестве проповедников Пропаганды Действием, проводя эту идею как новое евангелие среди остального интернационального анархистского движения. В этом году Малатеста провозгласил в Бюллетене Юрской Федерации: "Итальянская Федерация полагает, что повстанческая деятельность, направленная на утверждение социалистических принципов путем действий, является наиболее эффективным средством пропаганды". Поддержанная теоретиками во Франции и Испании, эта точка зрения итальянцев стала господствующей в деятельности европейских анархистов в течении 1880-х годов. Но как форма практической тактики, она возникла в условиях итальянского движения уже в начале 1873 года.

Анархисты к этому времени получили значительную поддержку со стороны народа, но - помня об итальянских революционных традициях, - они осознавали, что только тогда они смогут сохранить свои позиции, если сумеют своей драматической борьбой превзойти подвиги гарибальдийцев и мадзинистов. "Насильственное действие, - говорил Андре Коста, вспоминая о тех днях - считалось... необходимым... для того, чтобы поставить проблему, показать превосходство нового идеала над старым". Зима 1873-74 годов была одной из самых тяжелых и беспокойных, и начавшиеся тогда забастовки и голодные выступления предоставили анархистам возможность продемонстрировать в небольших масштабах свое прямое действие. Но этого было не достаточно; была необходима обдуманно спланированная программа действий, и с этой целью боевые вожди Федерации воскресили старую бакунинскую идею о тайной внутренней организации, иницирующей повстанческие действия. Следуя ей, к концу 1873 года они организовали, в качестве группы внутри Интернационала, Итальянский Комитет за Социальную Революцию, который действовал совершенно тайным образом. Его целью было вызвать серию хорошо спланированных восстаний в тщательно выбранных частях Италии, которые могли дать надежду на возможность начала ряда местных повстанческих выступлений. Для действий Комитета были

отобраны те области, в которых секции Интернационала могли рассчитывать на массовые восстания, которые могли бы привести ко всеобщей социальной революции.

Комитет за Социальную Революцию планировал начать тщательно подготовленное выступление летом 1874 года. В ночь с 7 на 8 августа анархисты Романьи должны были овладеть Болоньей, и известия об их успехах должны были стать сигналом к восстаниям в Риме, Флоренции, Палермо и Ливорно, а также в сельских районах Апулии и Сицилии, в результате которых можно было рассчитывать, что огромный революционный пожар разгорится по всей Италии и произойдет "социальная ликвидация". Это был грандиозный проект, но то, что реально сумели сделать члены Интернационала, далеко не соответствовало этим замыслам. Через своих информаторов полиция получила достаточное представление об этих планах, и за один день до великого восстания арестовали Андреа Коста, главного организатора выступления. Конспирация была подорвана: но это не разрушило всего предприятия, и утром 7 августа прокламации Итальянского Комитета за Социальную Революцию появились в больших и малых городах по всей Италии, призывая трудящихся "сражаться насмерть за ликвидацию всех привилегий и полное освобождение человечества".

Планы восстания в Болонье были разработаны в мельчайших деталях. Тысяча жителей Болоньи должна была собраться в двух пунктах вне города, где они должны были соединиться с тремя тысячами повстанцев из других городов Романьи. Объединенные силы должны были выступить двумя колоннами к городу, в котором их ждал Бакунин, чтобы также присоединиться к ним; одна колонна должна была атаковать арсенал - два сержанта уже обещали открыть ворота - и затем раздать оружие остальным инсургентам, которые тем временем должны были возвести баррикады из материалов, уже собранных в ключевых пунктах.

Революционеры из Болоньи собрали значительное количество повстанцев, но силы, пришедшие из других городов, которые обещали прибыть в Имолу, насчитывали менее двухсот человек, вместо обещанных трех тысяч. Они направились к Болонье, но по пути были перехвачены карабинерами и армейскими частями, и те из них, кто сумел избежать ареста, скрылся в горах. Повстанцы из Болоньи, напрасно прождав эту колонну поддержки, укрыли свой отряд в полях и затем рассеялись. Ожидавшиеся восстания в других крупных итальянских городах были сорваны благодаря действиям бдительной полиции, и только в Апулии Малатеста сумел по-донкихотски поднять стяг восстания даже тогда, когда все его надежды на успех были совершенно обречены на разочарование. В его собственном описании этих событий присутствует некий мрачный юмор, свидетельствующий о качествах этого человека, которому суждено было вскоре стать признанным вождем итальянского анархизма и оставаться таковым на протяжении полувека:

"Несколько сотен членов федерации обещали прибыть в Кастель дель Монте. Я прибыл туда, но из всех, кто клялся прибыть, мы обнаружили только шестерых. Это ничего не изменило; военные действия были открыты; подобно повстанцам прежних лет, мы взяли за оружие и объявили войну итальянской армии. Мы вели военную компанию на протяжении нескольких дней, пытаюсь привлечь крестьян на свою сторону, но не сумели получить никакого отклика. На второй день мы вели бой против восьми карабинеров, которые открыли по нам огонь и вообразили, что мы были очень многочисленны. Тремя днями позже мы увидели, что мы окружены

солдатами; нам оставалось только одно. Мы спрятали ружья и решили рассеяться. Я укрылся в телеге с сеном и таким образом сумел покинуть опасную зону".

Малатеста был позднее арестован в Пезаро по пути на север - в Швейцарию, и присоединен к другим анархистским вожакам, сидящим в тюрьме. Конечным результатом этого великого плана социальной ликвидации было то, что Интернационал в Италии был обескровлен на много месяцев. Большинство его активных борцов находилось за решеткой или в изгнании, его секции были разогнаны и его издания были уничтожены. С другой стороны, инсургенты завоевали огромную симпатию народа, - не потому, что они были анархистами, но потому, что они открыто восстали против правительства Виктора Эммануила, и последовавшее оправдание значительным количеством судов присяжных и тех людей, которые очевидно были виноваты перед законом, явилось выражением всеобщей народной нелюбви к режиму, который делал совсем немного для уменьшения экономических и социальных бедствий. В июне 1876 года все инсургенты были объявлены "невиновными" и отпущены на волю; их главным испытанием была задержка со стороны органов правосудия, которые продержали некоторых из них почти два года в заключении без суда.

Вновь набравший силы, благодаря пропагандистским успехам судов, с их бесконечными революционными речами - один Андреа Коста отстоял на свидетельской трибуне три дня - и возвращением наиболее активных борцов к общественной жизни, Интернационал в Италии начал в 1876 году воссоздавать свою организацию. Были восстановлены местные региональные федерации и состоялись конференции: в Болонье, во Флоренции, в Джерси, - без помех со стороны полиции. Анархистская пресса воскресла с появлением в Ливорно "Иль нуово рисвеглио" и в Фабиано "Иль мартелло". Наконец, в конце октября во Флоренции состоялся национальный конгресс. В это время полиция во Флоренции вновь активизировала свою деятельность, опасаясь - или делая вид, что опасается, что реальная цель этого конгресса состоит в подготовке плана новой серии восстаний. Андреа Коста и другие делегаты были арестованы на вокзале, как только они прибыли во Флоренцию, в то время как место проведения конгресса было захвачено полицией. Но, тем не менее, свыше пятидесяти делегатов все еще оставались на свободе, и конгресс, в конце концов, состоялся в лесу, в предгорьях Апеннин, под проливным дождем, постоянно идущим в течение всего дня.

Кафиеро и Малатеста возглавили конгресс, и под их влиянием делегаты приняли непреклонную повстанческую и антиполитическую программу. Наиболее важной, по крайней мере, теоретически, была резолюция, которая свидетельствовала о том, что итальянцы движутся от бакунинского коллективизма по направлению к анархическому коммунизму.

"Каждый должен отдавать обществу все, что позволяют ему сделать его способности, и он имеет право требовать от общества удовлетворения всех своих потребностей, в тех размерах, которые допускают существующий объем производимой продукции и возможности общества".

Но все их размышления по поводу этих экономических вопросов определялись мечтами о революционном действии, подобном горной лавине, камнепаду - теми мечтами, которые все еще оставались у анархистских вождей. Несмотря на провал восстания в Апулии в 1874 году, Кафиеро и Малатеста оставались в убеждении, что

сердца крестьян Южной Италии полны горячего материала, готового к бунту, и летом 1877 года, после тщательных приготовлений, они расположили свой штаб в горной деревне Сан-Луи, недалеко от Беневента, в Кампани. Они привлекли к заговору русского революционера Степняка-Кравчинского и горного проводника по имени Сальватор Фарина, который в конце концов оказался полицейским шпионом. Благодаря его деятельности правительственные карабинеры узнали о планах конспираторов прежде, чем они окончательно созрели, и, после ожесточенной ружейной перестрелки, в которой один из полицейских был смертельно ранен, двадцать шесть анархистов погрузили свое снаряжение на мулов и скрылись в Аппенинах. Два дня спустя, на рассвете 8-го августа - это было воскресенье - маленький отряд спустился в деревню Летино, подняв свои красно-черные флаги. В присутствии собравшихся крестьян, Кафиеро объявил о свержении короля Виктора Эммануила, а его товарищи торжественно сожгли местные записи о налогах. Крестьяне горячо поддержали последнее из этих действий, и отец Фортини, священник Летино, приветствовал анархистов как "истинных апостолов, посланных Господом, чтобы проповедать Его Божественный закон".

Мушкетеры были розданы сельским ополченцам, и Кафиеро убеждал людей использовать их для защиты собственной свободы. Затем, ведомая отцом Фортини, группа анархистов достигла соседней деревни - Галло, где отец Тамбурини вышел, чтобы приветствовать их, и пошел с ними от дома к дому, крича жителям: "Ничего не бойтесь. Они - честные люди. Они собираются свергнуть власть и сжечь налоговые книги." В Галло инсургенты не только сожгли налоговые записи, но также захватили деньги в сейфе сборщика налогов и сломали счетчик, при помощи которого производили оценку размеров налогов за муку, вырабатываемую на местной мельнице. Все это привело крестьян в восторг; это было реальное доброе дело, которое помогало им сбросить несколько их лир от налогов и запутать их установление. Но, тем не менее, ни один человек из Летино и ни один человек из Галло не захотел примкнуть к отряду. Они очень разумно рассудили, что, несмотря на то, что они признательны инсургентам за все то, что те для них сделали, их церковные приходы не смогут защищаться одни против целой Италии. "Завтра придут солдаты, и все будут расстреляны." Их пророчества частично сбылись. Полтора батальона пехоты, два эскадрона кавалерии и две команды полиции были брошены против крошечного отряда повстанцев, который вновь отступил в горы. Они насквозь вымокли под проливным дождем, шли по сугробам и окончательно заблудились в тумане. Наконец, они нашли пристанище в доме крестьянина, и здесь-то они были окружены и захвачены в плен, после того как исчерпали все возможности к какому-либо эффективному сопротивлению. Это небольшое комическое предприятие было как бы пророческим предвестником судьбы анархических попыток поднять итальянское крестьянство; также как и деревенские бедняки южной Испании, их собратья в южной Италии были глухи к мессианскому свободолюбию, и анархизм в Италии оставался большей частью движением, сосредоточенным в небольших городах.

Восстание в Беневенте повлекло за собой новый цикл правительственных репрессий - аресты и заключение в тюрьмы, закрытие газет и запреты организаций, и - следующие за ним, ставшие уже традиционными, оправдания заключенных членов Интернационала присяжными, враждебно относящимися к Савойской монархии. В

конце этого же года официально запрещенный Интернационал реорганизовывался, и в апреле 1876 года подпольный конгресс в Пизе принял решение о "всеобщем восстании" в общенациональном масштабе, "не обращая внимания на жертвы, ибо не далек тот день, когда вооруженный пролетариат вызовет крушение всего, что как-либо связано с буржуазией, троном и алтарем." Ряд местных съездов единодушно одобрили этот план, но неудачи в Болонье, в Апулии и в Беневенте подорвали энтузиазм даже у наиболее по-боевому настроенных революционеров, и планы о революции в масштабах всей страны не пошли дальше стадии слов.

Возможно, как результат крушения коллективных восстаний, взамен их начались акты индивидуального террора. 17 ноября 1878 года, когда новый король Умберто прогуливался по улицам Неаполя, повар по имени Джованни Пассананте вскочил в его экипаж и попытался ударить его кинжалом, на котором были выгравированы слова: "Да здравствует интернациональная республика!" Нет доказательств того, что Пассананте был связан с какой-либо из анархистских групп, но распространена точка зрения - возможно, несправедливая - усматривающая связь между его поступком и призывами, незадолго до того появившимися в либертарных изданиях, к уничтожению "всех королей, императоров, президентов всех республик, жрецов всех религий", как "истинных врагов народа". В день, непосредственно предшествовавший покушению Пассананте, была брошена бомба в монархистский парад во Флоренции, и четыре человека были убиты; а через два дня после этого покушения другая бомба взорвалась среди толпы людей в Пизе, не приведя к каким-либо роковым последствиям. Существует большая вероятность того, что бомба во Флоренции могла быть брошена агентом-provokатором; но несомненно, что бомба в Пизе была брошена анархистом.

Эти акты стали предлогом для новых величайших преследований Интернационала. В конце 1878 года каждый анархический повстанец, участвовавший в каком-либо восстании или же подозреваемый в соучастии в террористических актах, был или в тюрьме, или в ссылке, и правительство предприняло попытку убедить суды объявить Интернационал ассоциацией злодеев и преступников, что должно было автоматически приводить к аресту всех его членов. Эта попытка провалилась, поскольку суды понимали, что Интернационал как таковой не может нести ответственности за индивидуальные акты - подобные покушению Пассананте - даже не принадлежащих к нему лиц, но результатом беспощадных преследований, которым полиция подвергала Интернационал зимой 1878 г. и весной 1879 года, были окончательный распад Интернационала как организации.

Этот крах произошел из-за того, что энергичные молодые вожди, которые возглавляли движение на протяжении 1871-1877 годов, были теперь надолго лишены возможности действовать в Италии. Кафиеро и Малатеста были в ссылке, несколько анархистских групп, собравшись в Лугано, эмигрировали, и затем скитались по Европе и Леванту в поисках революционных предприятий. Еще более серьезным фактором, чем их отсутствие, было отступничество Коста. В 1877 году Коста прибыл на последний конгресс Сент-Имьерского Интернационала /образовавшегося после Гаагского конгресса 1882 года, из тех секций, которые не признали авторитаризма лондонского Генерального Совета во главе с Марксом - примеч. переводчика/ в Вевьере и там он проводил, поддержанный Полем Бруссе, последовательно крайнюю

линию. Вскоре после этого в Париже он был арестован и посажен в тюрьму на два года за активное участие в контактах с возрождающимся здесь анархистским движением. В 1879 году, все еще находясь в заключении, он объявил о своем отречении от анархизма и написал письмо, которое умеренный социалист Бинами опубликовал в миланском "Иль Плеб", сообщавшее, что он теперь верит в политические действия. Хотя невозможно проследить духовную эволюцию, приведшую Коста к изменению его мировоззрения, но не случайно уже в 1877 году он так был настроен против повстанческих действий, что попытался уговорить Кафиеро и Малатесту отказаться от их плана восстания в Беневенте. Теперь Коста использовал свой выдающийся ораторский дар и свою популярность в Романье на дело парламентского социализма; в 1882 году он был выбран в Палату Депутатов, и на протяжении следующих лет он сыграл решающую роль в образовании Социалистической Партии в Италии.

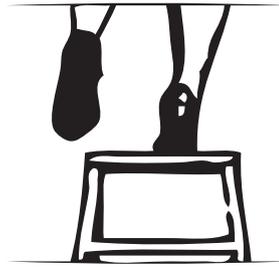
Все близкие друзья Коста среди анархистской элиты осудили его. Но, по меньшей мере, один из них, Кафиеро, возможно, последовал его примеру в ренегатстве; в марте 1882 года он неожиданно обнародовал в Милане заявление, призывавшее итальянских анархистов перейти на путь социал-демократии, и вскоре после этого он поддержал социалистов - кандидатов в парламентарии. Однако, его прежние друзья нашли извинительное объяснение отступничеству Кафиеро, когда, весной 1883 года он был найден бродящим в голом виде по холмам недалеко от Флоренции; разум никогда более не вернулся к нему, и он умер в 1892 году в психиатрической лечебнице, одержимый мыслью о том, что окна его комнаты должны давать ему больше света, чем то количество, которое он получает.

Отступничество Коста было результатом личного убеждения, но оно было связано со всеобщим движением в сторону парламентарного социализма среди рабочих Италии; начиная с 1878 года и позднее анархисты превратились во все более тающее меньшинство. Правда, в декабре 1880 года, когда социалистический конгресс из делегатов от пятнадцати городов Северной Италии собрался в городе Чьяссо, анархисты-эмигранты из Лугано добились победы их точки зрения. Кафиеро, как председатель конгресса, красноречиво отстаивал позицию политического абсентизма /неучастия в политике/ и анархисты приобрели нового и грозного "рекрута" - в лице Альмилькара Киприани, вечно юного ветерана Рисорджименто, который сражался вместе с Гарибальди у Аспромонте и только что вернулся с Новой Каледонии, куда он был направлен за участие в Парижской Коммуне. Это именно Киприани набросал декларацию, которую поддержало подавляющее большинство конгресса, провозглашающую, что только вооруженное восстание представляет надежду для итальянского рабочего класса. Но эта декларация была в основном поддержана ссыльными и эмигрантами, которые уже начали утрачивать знание итальянских реалий начала 80-х годов, и ее неэффективность была продемонстрирована скромными результатами их практической деятельности.

Эмигранты из Лугано даже учредили новый Революционный Комитет и - если верить полицейским отчетам - планировали организовать восстание в Романье следующей весной, в чем итальянским анархистам должен был помочь отряд, состоящий из русских политических эмигрантов - бывших коммунаров, во главе с Киприани. Но является несомненным фактом то, что Кафиеро и Киприани пересекали границу

и тайно побывали в Риме в январе 1881 года, но Киприани был арестован в Римини, а Кафиеро вернулся обратно за границу.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джордж Вудкок
Анархизм в Италии
Глава из книги "Анархизм. История либертарных идей и движений"
1962

Сохранено 17 августа 2018 из <https://piter.anarhist.org/naperekor.htm>
Не полный отрывок из главы книги "Анархизм. История либертарных идей и движений", печатается по материалам журнала "Наперекор" (№3,4; 1996 год)

ru.theanarchistlibrary.org